

По фамилии Цзянь?

Лу Ивэнь сразу подумал, что приехал кто-то из родителей Цзянь Шэ. Повесив трубку, он направился к выходу, но перед самой дверью спохватился: домашний вид казался слишком уж небрежным. Вернувшись, он быстро накинул куртку.

Гость и впрямь оказался отцом Цзянь Шэ. После вежливого приветствия он, не называя себя, протянул Лу Ивэню визитную карточку.

Лу Ивэнь бросил на неё быстрый взгляд. Обычный белый картон без лишних изысков, на котором аккуратным, строгим шрифтом было выведено: «Управляющий директор акционерного общества SEK, Цзянь Лэ».

Название компании показалось знакомым. Лу Ивэнь вспомнил, как покупал во внутриигровом магазине косметику и массажёры: всё, на чём стоял логотип СЭК, стоило баснословно дорого.

— Здравствуйте, — Лу Ивэнь протянул руку. — Вы, должно быть, родственник Цзянь Шэ?..

— Я его отец, — с улыбкой ответил Цзянь Лэ, пожимая ладонь. В его голосе прозвучали нотки лёгкой досады. — Раньше все твердили, будто мы с сыном похожи как две капли воды. Думал, вы с первого взгляда догадаетесь.

«Да они же вообще не похожи!» — мысленно усмехнулся Лу Ивэнь.

Конечно, оба привлекали внимание с первого взгляда, но на этом сходство заканчивалось. У Цзянь Шэ — тёмные волосы, густые брови и холодный, сдержанный взгляд. Цзянь Лэ же выглядел совсем иначе: волнистые светлые волосы до плеч делали его похожим на какого-нибудь завсегдатая элитного американского гольф-клуба, только что сбежавшего со свидания.

Но вопреки столь легкомысленному образу, говорил мужчина на редкость уважительно и сдержанно — под стать той самой скромной визитке.

Удивительный контраст.

Подобная скромность располагала к себе. После короткого обмена любезностями Лу Ивэнь дружелюбно пригласил гостя войти.

— Благодарю, но не стоит, — Цзянь Лэ нерешительно заглянул вглубь коридора. Сейчас он удивительно напоминал отца, который ждёт ребёнка у ворот школы во время экзаменов: и увидеть хочется, и потревожить боязно. — А-Шэ ведь скоро вернётся?

— Да вы проходите, не стесняйтесь, — настоял Лу Ивэнь. — Ребята сегодня уехали в агентство

обсуждать детали нового альбома, так что вернуться нескоро.

Только после этих слов Цзянь Лэ решился переступить порог.

— Вам, должно быть, это кажется странным? — негромко спросил он, следуя за хозяином. — Примчался сюда, а с сыном даже не ищу встречи...

— Да нет, почему же, — Лу Ивэнь обернулся на ходу. — Мне ребята рассказывали, что у вас с Цзянь Шэ сейчас небольшие разногласия. Он ведь и домой в последнее время не возвращается. Вот я и подумал, что вы просто ещё не успели во всём разобраться.

Семейный раскол длиной в годы Лу Ивэнь деликатно назвал обычными «разногласиями», и Цзянь Лэ заметно расслабился.

— Да, пожалуй...

— Вы только близко к сердцу не принимайте, — Лу Ивэнь открыл дверь картой-ключом. — Цзянь Шэ парень упрямый, я и сам заметил. С ним лаской надо, силой ничего не добьёшься. Если поговорить по-хорошему, он обязательно вас выслушает.

Цзянь Лэ мысленно горько усмехнулся. Если бы всё было так просто... Сколько лет он из кожи вон лез, пытаясь растопить этот лёд, но без толку. А тут едва знакомый человек понимает повадки парня лучше, чем собственный отец. Вот уж действительно, худшего родителя и представить сложно.

Лу Ивэнь гостеприимно указал на диван:

— Присаживайтесь. Что вам предложить? Есть кофе, чай с кумкватом, русский черный чай...

— Нет-нет, спасибо, не утруждайтесь! — Цзянь Лэ торопливо замахал руками, даже не пытаясь сесть. За долгие годы под гнётом сурового тестя он привык во всём потакать чужой воле и до ужаса боялся быть обузой.

— Ну что вы, пустяки, — Лу Ивэнь всё же заварил чайник и налил гостю чашку, после чего мягко поинтересовался целью его визита.

— Да ничего такого... Просто хотел своими глазами увидеть, где обосновался А-Шэ. Он ведь никогда раньше не уходил из дома надолго, — со слабой улыбкой ответил Цзянь Лэ. — Но теперь я вижу, что здесь хорошо. От сердца отлегло.

Лу Ивэнь придвинул к нему вазу с фруктами.

— И ещё... — Цзянь Лэ даже не взглянул на угощение. Он понизил голос и робко спросил: — А-Шэ в школу вообще ходит?

Лу Ивэнь на мгновение замер, а затем покачал головой.

— Эх, так я и думал, — сокрушённо вздохнул отец. — Он ещё дома начал прогуливать. Кто только его ни уговаривал — без толку. А ведь на носу июнь, выпускные экзамены...

— Но у Цзянь Шэ вроде бы есть квота на зачисление без экзаменов? — припомнил Лу Ивэнь.

— Квота-то есть, но с такой посещаемостью её живо аннулируют. Классный руководитель мне уже весь телефон оборвал. Не дай бог они до деда его дозвонятся... — Цзянь Лэ обречённо махнул рукой. — Тогда мне точно несдобровать. Да и А-Шэ о своей музыке может забыть раз и навсегда.

Лу Ивэнь нахмурился:

— Всё настолько серьёзно?

— Дедушка А-Шэ... — Цзянь Лэ колебался, но всё же решился на откровение: — Скажу вам как есть: А-Шэ мне не родной. Мы сошлись с его матерью, когда он был уже довольно большим.

— Вот оно что, — кивнул Лу Ивэнь. Стало понятно, почему отчим выглядит так молодо.

— Из-за этого деликатного положения я стараюсь лишний раз не лезть со своими нравоучениями. Все важные вопросы в семье решает тесть, — Цзянь Лэ отхлебнул чая. — Он до сих пор не знает, что А-Шэ сколотил группу. Всё это время я кручусь как уж на сковороде, лишь бы его прикрыть.

— А ваша супруга? — осторожно поинтересовался Лу Ивэнь.

Цзянь Лэ помрачнел и тихо произнёс:

— Она умерла... Три года назад.

Лу Ивэнь сочувственно кивнул, признавая тяжесть чужой утраты.

— Мой грех, — с горечью выдохнул Цзянь Лэ. — А-Шэ — вылитая мать. Когда её не стало, я... просто не мог на него смотреть, слишком больно было. Месяцами его сторонился, почти не разговаривал. Глупо, конечно, теперь у меня и права-то нет воспитывать его. А мальчишка... он ведь раньше улыбался часто, общительным рос. А после похорон словно заживо себя

похоронил. Он ведь и у вас в общежитии слова лишнего не проронит?

Лу Ивэнь не знал, что ответить. Бегство от болезненных воспоминаний — штука понятная, но каково пришлось самому Цзянь Шэ? Пережить смерть матери, а потом столкнуться с ледяным равнодушием единственного близкого человека, который просто не желал видеть его лица...

— На самом деле всё не так мрачно, — Лу Ивэнь постарался сгладить углы. — С ребятами из группы он общается вполне охотно. Они отлично ладят.

— Ну и слава богу, — Цзянь Лэ шумно выдохнул и расслабился. — Теперь я спокоен.

— А как быть с дедушкой Цзянь Шэ? — вернулся к теме Лу Ивэнь.

Стоило упомянуть грозного тестя, как Цзянь Лэ скорчил страдальческую гримасу. Тем не менее он взял себя в руки:

— С тестем я сам как-нибудь договорюсь, костыми лягу, если надо. Но сейчас важнее всего вернуть А-Шэ за парту. Без этого старик даже слушать меня не станет. Очень прошу вас, поговорите с ним. На вас вся надежда.

— Хорошо, я постараюсь его убедить.

Когда темы о Цзянь Шэ были исчерпаны, разговор как-то сам собой перетёк на бизнес.

Лу Ивэнь в этом мало что понимал: из-за игровых условных ограничений его агентство Шэцзя имело мало общего с реальным бизнесом. Но вскоре он с удивлением обнаружил, что и Цзянь Лэ разбирается в делах фирмы весьма поверхностно. Мужчина увлечённо рассуждал о делах корпорации, но постоянно уходил от сути, и в его словах сквозила очевидная некомпетентность.

Конечно, для мужчины не знать тонкостей бьюти-индустрии — дело обычное, но Лу Ивэня озадачило другое: зачем члену совета директоров так отчаянно пытаться вникнуть в операционную рутину? Неужели это тесть заставляет его отдуваться за всё?

Лу Ивэнь понимал, что судить людей старше себя некрасиво, но от Цзянь Лэ так и веяло затравленностью. Складывалось ощущение, что этот человек круглосуточно живёт под дамокловым мечом чужих ожиданий, наступив на горло собственной песне.

Глядя на его ухоженные светлые кудри, Лу Ивэнь невольно подумал: «Каким же он был на самом деле, пока жизнь не загнала его в эти рамки?»

Вечером, едва Цзянь Шэ переступил порог общежития, Лу Ивэнь заглянул к нему в комнату, чтобы поговорить об учёбе.

— У нас кто-то был? — Цзянь Шэ сразу приметил на столе две чайные чашки.

Лу Ивэнь помедлил с ответом.

— Дядя Лэ приходил, да? — без обиняков спросил Цзянь Шэ. — Больше никому так суетиться из-за моих прогулов. Ладно, я не против вернуться к учёбе.

Лу Ивэнь опешил. Он-то приготовился к долгим уговорам, о которых сокрушался Цзянь Лэ, а парень согласился без лишних слов.

— Но у меня есть условие, — Цзянь Шэ пристально посмотрел на него. — Хочу, чтобы ты сам возил меня на уроки. Договорились?

Лу Ивэнь заколебался.

Цзянь Шэ продолжал молча смотреть на него, и он выглядел предельно серьёзным.

— Хорошо, — сдался наконец Лу Ивэнь. — Но уговор: я только отвожу тебя по утрам. Вечером забирать не обещаю, дел неуворот.

Едва сорвалось согласие, как Лу Ивэнь мысленно обругал себя за слабохарактерность. Почему рядом с этим мальчишкой у него вечно улетучивается всякая твёрдость? Опять пошёл на поводу.

«Впрочем, попроси меня Сюй Лань о том же, разве я отказал бы? Да я бы его ещё и забирал послушно», — успокаивал он себя. Все подопечные для него равны, никакой предвзятости к Цзянь Шэ тут нет и в помине.

— Мне и этого за глаза хватит, — Цзянь Шэ заметно приободрился, он мягко улыбнулся. — Тогда завтра жду, когда ты придёшь меня будить.

Глядя на эту неприкрытую, почти детскую радость, Лу Ивэнь невольно залюбовался.

Будь он девчонкой его лет, наверняка давно бы потерял голову и сам прибежал признаваться в любви.

Впрочем, Лу Ивэнь даже не догадывался: будь он обычной девчонкой, Цзянь Шэ на него и взгляда бы не удостоил.

Хотя Лу Ивэнь твёрдо решил держать дистанцию и не оставаться с парнем наедине, из-за утренних поездок они неизбежно сблизились ещё сильнее.

Каждое утро превратилось в привычный ритуал: Лу Ивэнь заходил будить соню, буквально за руку тащил в ванную чистить зубы, а после за рулём отвозил к воротам школы.

Цзянь Шэ времени зря не терял. За эти дни он научился безошибочно определять, когда можно проявить слабость без риска нарваться на раздражение, и ловко использовал любую лазейку, чтобы сократить дистанцию.

Он умышленно притворялся спящим мертвецким сном, вынуждая Лу Ивэня едва ли не на руках тащить его к раковине. Нарочно возился с пуговицами на школьной форме, чтобы опаздывающий менеджер сам застёгивал их быстрым, нервным движением. Даже дорожные заторы шли парню на пользу: стоило немного поканючить в просачивающихся сквозь стёкла утренних лучах, и Лу Ивэнь уже соглашался поужинать вместе где-нибудь в тихом ресторанчике.

Незаметно пролетело полмесяца. Бай Чжюань вернулся из родного города, закончив со всеми скорбными делами после похорон матери. Работа над альбомом группы «Сияние Красок», вынужденно поставленная на паузу, наконец возобновилась. Но вместе с этим подошли к концу и дни их совместного быта под одной крышей.

Цзянь Шэ вновь пришлось отложить учебники ради репетиций и съёмок музыкального видео, так что утренние поездки прекратились сами собой. Лу Ивэнь рассудил, что его миссия выполнена, и засобиравшись обратно на съёмную квартиру.

Цзянь Шэ принял эту новость в штыки: теперь им оставалось пересекаться исключительно в стенах агентства.

Однако Лу Ивэнь проявил редкую твёрдость и уже на следующий день вызвал грузчиков. Делать было нечего — Цзянь Шэ пришлось смириться, хотя он до последнего упрямо крутился под ногами, помогая паковать коробки.

Когда грузовик увёз последние пожитки, Лу Ивэнь сел за руль, готовый наконец отправиться восвояси. Но стоило ему повернуть голову, как он заметил Цзянь Шэ. Парень с невозмутимым, но глубоко несчастным видом уже сидел на пассажирском кресле — всем своим видом безмолвно заявляя: «Раз уходишь, забирай и меня».